

Одним из лучших показателей характера человека было то, как он обращался со своими младшими. Жажда положения – естественный элемент души каждого человека, и соблазн злоупотребить этим положением всегда был с нами. Не всегда ради собственной выгоды, возможно, но слишком часто возможности появлялись лишь едва за пределами нашей хватки, и слишком часто были другие люди, подчинённые, друзья или даже родственники, которые находились именно в том положении, чтобы стать ступенькой, дабы ты смог преодолеть это расстояние.

Для многих это был вопрос, который едва стоил того, чтобы его задать. Когда на кону стояли лишь слава или богатство, соблазн уже был достаточно силен. Но для культиваторов, тех, кто жаждал далёкой звезды божественности, существ, которые получали дополнительно годы жизни за каждое небольшое продвижение? Что ж. Для них этот вообще не было вопросом.

Путь на небеса был достаточно широк для того, чтобы по нему мог пройти только один человек за раз. Мои наставники вбили мне это в раннем возрасте. В конце концов, мы были одни, когда бросали вызов Судьбам. Единственная неопределённость заключалась в том, сколько меньших людей мы растоптали на своём пути вверх.

В конце концов, культиватор ставил всех ниже себя. Вопрос был только в том, когда. Не зря же мы называли это Царством Тиранов, в конце концов.

И всё же были те, кто понимал этот факт и принимал его как необходимое следствие того, чтобы бросать вызов тому, что Судьбы запланировали для них – будь то хорошее или плохое. А с другой стороны, были и те, кто прятался за ним, как за щитом, уходя от ответственности.

Я был рад обнаружить, что Элисса была первой из этих двух.

— Что я сказала? Дело не в силе или изяществе, а в твоей хватке, — резко сказала Героиня. Шрамы на её мраморной коже превратили суровый хмурый взгляд в нечто поистине злобное.

Мальчик, которому она читала лекцию, загорелый юноша, по виду его возраст был где-то между Хероном и Кастором, выпрямился, словно его ударили, и быстро сменил хватку на менее удобную для него, но в целом лучшую. Его клинок был прекрасной вещью, просто сделанной и из безупречных материалов. Безупречное железо и колеблющаяся линия бронзы, проходящая по его поверхности, словно змея или солнечный луч. Глядя на него и на мальчика, который держал его в руках, нервничающего, энергичного и полного надежд, его одеяние Бушующего Неба было аккуратно сложено и отложено в сторону, что говорило о его заботе о нем, у меня сложилось впечатление, что они вместе были продуктом простых рабочих и захолустных поселений.

Чтобы в его возрасте попасть в Бушующее Небо, индиговую жемчужину Города Полу-Шага, он должен был быть по-настоящему талантлив. Об этом говорила и его пневма, явно находящееся в Софическом Царстве. Однако даже среди гениев были те, кто стоял выше.

В то время как мальчик и четверо других размахивали обнажённым железом, Элисса держала лишь ветку оливкового дерева, расслабленной хваткой. Этого было более чем достаточно.

Глаза пустынного жара очищали форму мальчика, пока, удовлетворённая, она не сделала

свободной рукой жест "иди сюда". Все пятеро начали действовать по-разному: одни сделали выпады, другие наносили широкие, размашистые удары. Её ветвь оливкового дерева пронеслась с невероятной скоростью, не только принимая удары оружия, которое должно было с лёгкостью перерубить её, но и отбрасывая их в сторону. Она кружилась – танцевала, если честно – проходя сквозь них с грацией танцовщицы на симпозиуме.

Не глядя, она взмахнула веткой, чтобы встретить острие моей опускающейся ладони, и нахмурилась, когда Розовые Пальцы Зари подожгли её импровизированное оружие. Пять молодых Философов Бушующего Неба отпрыгнули назад, встревоженные и кричащие.

— Что ты хочешь, Грифон? — раздражённо спросила Элисса. Я улыбнулся и пожал плечами, поворачиваясь на одной ноге и поднимая вверх другую руку.

[Восходит солнце.]

Я не проявлял никаких агрессивных намерений, и моя атака не была особенно быстрой. Через мгновение Героиня поняла, что я делаю, и насмешливо фыркнула, но, тем не менее, извернулась таким же вялым движением и смахнула своей горячей веткой мою руку, отклонив удар в сторону.

— Этот скромный софист услышал, что Героиня делится мудростью со своими младшими. Что ещё мне оставалось делать, кроме как поискать немного для себя? Для новоиспечённого Философа такая удачная встреча может произойти лишь раз в жизни. — Пока я говорил, я вёл её через нечто, что было столько же танцем, сколь и поединком, безымянная игра хореографического насилия, в которую я часто играл с Николасом, когда был моложе.

— Новоиспечённый Философ, — повторила она, пока мы двигались, почти оскорблённая в своём скептицизме. В ответ я напряг мою Пневму. Она была, несомненно, Софического Царства, первого ранга.

Элисса не поверила этому ни на секунду. Но мальчики поверили.

— Младший!

— Даже не спросив!

— Какая дерзость! — Мальчик с неумелой хваткой бросился на меня с занесённым клинком. Он был старше той троицы мальчишек, которых я отлупил накануне, ближе к своему физическому расцвету, и это делало его превосходящую культивацию гораздо более опасной.

Рука панкратиона дёрнула его назад за белую ткань, висевшую у него на талии. Когда он дёрнулся, чтобы ударить по ней, ещё две ударили ему между ног. Мальчик поперхнулся и упал на землю.

— Я заметил тенденцию среди посвящённых этого культа, — сказал я просто, выкладывая ещё десять рук в горящее кольцо вокруг нас, отгоняя других философов. Они настороженно смотрели на меня, пока их товарищ хрипел, валяясь на земле.

— Мне всё равно. — В этих глазах пустынного жара мелькнуло что-то смертельно острое, мгновенная защитная ярость. Она исчезла так же быстро, как и появилась, когда она поняла, что я лишь дал мальчику что-то убедительное для размышления.

— Сомневаюсь, — легко ответил я, продолжая наш танец, не пропуская ни шагу. Это была такая же игра, как и все остальные, в которые я играл последние пару дней, легкомысленное представление роковой встречи. Мы лениво, почти небрежно замахивались друг на друга, но удары, которые они представляли, были убийственным пятном в моём сознании. Это не была игра, в которой побеждали по количеству шагов. Первый, кто оступился, проиграл.

Поскольку её ветка представляла собой клинок, а мои кулаки были только ими, я находился в невыгодном положении. Теоретически. Но я бил настоящую сталь с самого детства. И эта игра была полностью вопросом тактики.

Стиль меча Элиссы был одним из лучших, что я когда-либо видел, но это был Николас Этос, что научил меня этой игре.

— Тогда скажи мне, — потребовала она, сосредоточенно глядя, как лезвие моей левой руки встречается кончик её ветки и мягко сжигает его.

В её голове возник образ десяти тысяч рук панкратиона, с разрушительным жаром ударяющих по её лезвию, ломая его в несовершенных местах. По её мнению, мы оба только прощупывали друг друга, когда сцепились на похоронах. Она считала, что я могу дать гораздо больше.

Я взглянул на молодых людей, окруживших нас. Возмущение и ревность были налицо, и было достаточно легко понять, почему. В конце концов, я не сразу включился в её импровизированный урок. Наблюдая, я потратил столько же времени на то, чтобы оценить отношение младших к ней, сколько и её отношение к ним.

Это была большая удача, если культиватор в Героическом Царстве уделит тебе минуту своего времени. Вдвойне удачно, если это была красивая женщина, а ты только начал познавать земные желания своего тела. Эти пятеро искали её на этом зубчатом пике в двух шагах от Бури, Которая Никогда Не Прекращалась, потому что она была лучшим мечником, который уделит бы им время.

— Они все мягкие.

Но более того, они пришли, чтобы насладиться её вниманием.

Пять Софических культиваторов пронзительно кипели из-за моего презрения, их влияние бессильно било по моим панкратионовым рукам. Их эго разбивались о Розовые Пальцы Зари без сопротивления, больше похожие на морские брызги, чем на настоящие волны.

— Они молоды, — упрекнула меня Элисса. Хо, в этой пустынной жаре был настоящий гнев. Как удивительно.

— Дети молоды, — отмахнулся я, уворачиваясь от резкого выпада в глаза и ударяя ладонью по её почкам. Она искусно извивалась, шёлк цвета фуксии смещался по её рельефной коже. Я фыркнул, когда пять пар глаз уставились на неё. — Культиваторы бывают только неочищенными.

— Недостаточно говорить вещи, которые звучат многозначительно — ответила Элисса, ударяя.
— Это должно что-то действительно значить.

— Как жестоко. — Приближение, финт, шаг назад. — Но знаешь, недостаточно также только

делать вид, что ты что-то опроверг. — Над нашими головами грохотала неутихающая буря. — Ты ещё должна доказать, что я не прав.

Элисса нахмурилась и внезапно сменила ритм, которого придерживалась до сих пор, приняв новый стиль. Переход был настолько плавным, что я почти не заметил его вовремя. Я уклонился от следующих трёх ударов, подняв бровь.

Она уступила: «В каком смысле "мягкие"?»

— У меня есть кузен, — сказал я, и руки панкратиона, окружавшие нас, повернулись ладонями внутрь. Две из них стали жёсткими и плоскими, как кинжалы, и были схвачены двумя другими по очереди. Они начали танцевать в воздухе, нанося резкие выпады, рассекая и разрезая.

При всём том, что он питал абсурдный стыд за недостаток проявленной добродетели, маленький кириос никогда не позволял себе погрязнуть в гореваниях и уклониться от занятий боевыми искусствами. Пять юных Философов наблюдали с неохотным интересом за тем, как я иллюстрировал формы кинжалов Мирона. Особенно один мальчик, с нежными чертами лица и тонкими пальцами, сосредоточенно следил за движениями. Он пришёл сюда якобы для того, чтобы научиться владеть мечом, но ножи явно были его истинным интересом.

— У тебя есть кузен, — просто повторила Элисса.

— Несколько, на самом деле. Но самому младшему из них девять лет, и уже сейчас его основы набиты крепче, чем всё, что я видел на этой красивой горе. По сравнению с этими мальчиками его культивирование может быть меньше, но он лучший человек. Когда рассуждение превращается в спор, он обладает единственной вещью, которая действительно имеет значение. Элементом, которого не хватает этим мальчикам.

Одна из двух рук панкратиона вдруг изогнулась и бросила свою импровизированную руку-кинжал. Она вонзилась в камень позади мечника солнечного луча, едва промазав по его голове. Он отшатнулся в сторону.

— Твёрдостью.

Элисса ничего не сказала.

Она была удивительно добра к своим младшим, это была правда. Она была удивительно терпима к их очевидным мотивам, и это тоже было правдой. Она даже, что самое удивительное, немного опекала своих младших мистиков, несмотря на то, как она обращалась со мной и Скифасом на похоронах кириоса. Но, в конце концов, в ней был один аспект, который совсем не удивлял. Она была Героиней, и она знала, что отличает тех, кто вознёсся, от тех, кто не смог.

Она носила этот знак на всём своём теле.

И она знала, что у этих детей его нет.

— Что я здесь упускаю, уважаемая Героиня? — Я тихо надавил на неё, сокращая расстояние и вытягивая её в последний обмен. — Это же Город Полу-Шага, не так ли? Это культ, который принимает только лучшие души свободного Средиземноморья, не так ли? Так скажи мне,

почему они все такие мягкие?

Я знал почему, конечно. Я чувствовал это в своих костях, в новом костном мозге, который пробивался сквозь них, как рубиновые вены. Но некоторые вещи были слишком важны, чтобы их не подтвердить. Наш обмен мнениями стал яростным, хотя скорость не изменилась. Горящие глаза Элиссы метались то в одну, то в другую сторону, следя за горящими кулаками, которых не существовало. В моём собственном воображении я продирался сквозь шторм из бронзы.

Железо точит железо, произнесла она голосом своей души, ясно звучащим в моём Софическом чувстве. И так, задав один вопрос, я получил три ответа.

Её горящая ветвь остановилась возле моего правого уха. Героиня зарычала в разочаровании и бросила своё оружие. Я второй раз коснулся её груди, прямо над сердцем. Один из мальчиков издал недоверчивый звук, который его товарищи быстро заглушили.

— Поподробнее, — пригласил я её, отступая назад и слегка кланяясь. Она повторила, хотя и нехотя.

— Железо точит железо, — сказала она вслух. В этих словах было что-то, презрение к кому-то, кроме меня. — Сильный фундамент требует сильной оппозиции.

— Естественно, — согласился я. Я махнул рукой в сторону молодых Философов. — Значит, ты хочешь сказать, что эти сияющие жемчужины свободного Средиземноморья не испытали никаких настоящих трудностей на пути к Культуре Бушующего Неба?

Было довольно грустно наблюдать, как они проглатывают своё возмущение, прежде чем Элисса успеет его заметить. Как будто они могли что-то спрятать от неё. Но она всё равно притворилась, что не заметила этого, ради их блага.

— Ты знаешь, что это не так.

— Знаю.

— Тогда почему... — Она покачала головой. С отвращением ко мне, несомненно. — Все посвящённые здесь – исключительные культиваторы, лучшие из лучших. Они не виноваты в том, что это место такое, какое оно есть.

— Тогда кто виноват? — спросил я. Это было интуитивное чувство, предположение, построенное на небольших наблюдениях и простой интуиции, но здесь и сейчас, когда одно из сильнейших существ просветлённого мира молча смотрело на меня, не желая говорить, я знал, что это правда.

Тираны.

— Ты вырос в глухом краю, отделённом от просвещённого мира целым океаном, — наконец сказала она. Я кивнул, потому что это была правда. — Если бы ты однажды решил, что забьёшь своего соперника до смерти, кто мог бы наказать тебя за это?

Мой отец: «Кириос Розовой Зари».

— Дэймон Этос, — сказала она, и бессмертная буря заревела над нашими головами. — У него была привычка напрямую вмешиваться в дела своих младших посвящённых?

Я фыркнул.

Элисса кивнула, принимая это за ответ, коим он и был: «Тогда если не он, то кто? Старейшины?»

— Если они заметят.

— Именно. — Её челюсть, тонкая и изящная, испещрённая глубокими шрамами, изогнулась. — Есть пределы восприятия Философов и Героев. Пробелы в восприятии и простое отсутствие заботы. Не в природе Философа игнорировать великие тайны жизни в пользу заботы о детях. Не в природе Героя игнорировать великие угрозы жизни в пользу мелких споров.

Она объяснила мне проблему так, как только могла. Объяснив вместо этого всё остальное.

Философы и Герои не в состоянии отслеживать всё, что происходит в их досягаемости. Это также не в их природе слишком сильно заботиться о том, что делают те, кто ниже их. Чтобы подчинять их при каждом замеченном неуважении.

Но Тираны - это совсем другое существо.

— Восемь королей, но только одна корона, — размышлял я. Тревога, охватившая её в этот момент, была такой же острой и мгновенной, как и в ночь похорон. Над нашими головами сверкнула молния.

— Неужели ты всегда должен искушать Судьбы? — яростно прошептала она.

Я наклонил голову, чтобы посмотреть на пятерых нахмурившихся философов. В какой-то момент они начали понимать разницу между нами. Они рассматривали меня, как добыча рассматривает хищника. Как и должны были с самого начала.

— Мои старшие братья, — сказал я и улыбнулся, когда они неосознанно наклонились, чтобы послушать. — Вы пришли сюда за мудростью, так что послушайте немного. Вы окружены, и за вами наблюдают, это правда. Вполне возможно, что чтобы вы ни делали под этим занавесом невзгоды, вы разгневаете льва. Но это не значит, что вы не должны действовать.

Не глядя я поднял отброшенную оливковую ветвь рукой панкратиона и протянул её Элиссе. Она посмотрела на неё так, словно это был настоящий клинок.

— Нейтралитет не будет защищать вас вечно, — пообещал я им всем. — Верха могут пока только наблюдать, но в конце концов они проголодаются. А когда лев голоден, он ест.

Молодая женщина, когда-то бывшая Воробьёной, но теперь разоблачённая и снова ставшая кем-то, задыхалась, когда голодный Ворон справа схватил её за горло и прижал к мраморной колонне. Цепи зазвенели и натянулись, приковывая её к камню и подавляя её культивацию.

— Она не ошиблась, — размышлял голодный Ворон справа голосом зыбучего песка. — Может, вы и тусовщики, скрывающиеся в темноте, но вы единственные, кто здесь что-то делает. Кошачья лапа всё ещё опасна, не так ли?

Молодая женщина заскрипела зубами, пытаясь вырваться из своих пут. Вóрон захихикал.

— Какому королю ты служишь? — Её маленькая частичка провидения призывала её молчать, ничего не выдавать. Как будто она сделает что-то ещё. Молодая женщина хранила молчание.

Голодный Вóрон слева вонзил своё бронзовое копьё ей в бедро, и она подавила крик.

— Где человек, который знает всё? — потребовал голодный Вóрон слева.

— Я первый спросил, — каркнул другой.

— Мы не будем этого делать.

— Анонимность - не оправдание для грубости.

Голодный Вóрон слева проигнорировал своего собрата с обнажённой грудью, наклонившись так, что его лицо оказалось на одном уровне с её. Судя по телосложению, это был почти наверняка мужчина. И если раньше она была лишь тенью и невидимой злобой, то теперь она была Гармодией из Крокоса. Женщиной, чьи запястья были прикованы цепями к мраморной колонне. Полностью в их милости. Она закрыла глаза и отстранилась от всего этого.

— Что ты знаешь о человеке, который знает всё? — спросил он снова.

— Ничего, — прошептала она. Он повернул наконечник копья в её бедре. Она вздрогнула и задрожала. — Ничего.

Он молча рассматривал её, а другой Вóрон нетерпеливо ждал, опираясь своим весом на древко смехотворно большого бронзового боевого топора. Наконец, он вздохнул и отступил назад. Она чувствовала приближение конца. После всего этого времени, всего, что Гармодия отдала в погоне за высотой, именно здесь она падёт. В темноте, без кого-либо, чтобы оплакать её кончину. Это было слишком жестоко. Это было просто слишком жестоко...

Вóрон слева разорвал цепь, связывавшую её, и без лишних слов сбросил её с вершины Каукосо Монс.

— Никчёмный!.. — Она услышала, как Вóрон справа начал кричать, прежде чем свистящий ветер унёс и это. Её маленькая частичка провидения внезапно ожила в её невидимой тени, каркая и яростно хлопая крыльями, когда она выпорхнула из складок её одежды и взлетела. Она вернётся к своему источнику, и они узнают, что здесь произошло. Кто убил её и что им нужно. Это было немного, но она могла найти некоторое утешения в этом. Её смерть не будет совершенно лишена смысла.

Последнее, что она увидела, было орлом, рассекающим небо как стрела. В мгновение ока он настиг её вóрону, вонзил когти в чернильно-чёрную плоть и устремился обратно на гору.

Гармодия открыла рот, чтобы закричать, и тут же врезалась в покатую крышу одной из лучших бань Олимпии.